

Что есть любить?
Тужить.
А равнодушным быть?
Не жить.

Н. М. Карамзин

Часть первая
ПРЕСТУПНОЕ ВЕНЧАНИЕ

— *Т*ащи обратно сундучок! — раздался властный голос, и Ася оглянулась.

Невысокая, очень полная женщина в черном платье, черной шали и черном же капоре сурово смотрела на извозчика, нанятого Асей на Сенной площади.

— Так барышня велела на Ильинку доставить, к этому вон дому, — фыркнул тот, однако спорить не стал и, подхватив за боковые железные ручки, потащил потертый и облупленный Асин сундучок в свою пролетку, откуда только что его выгрузил.

— Позвольте, сударыня, — встревожилась Ася, — не ошиблись ли вы? Возможно, вы меня за другую приняли?

— Да разве не вас зовут Анастасией Васильевной Хворостининой? — удивилась женщина, а извозчик замер, держа сундучок на весу и чуть откинувшись назад, так что его борода вызывающе

задралась, а засаленный «гречневик»¹ едва не съехал с головы.

— Для меня было снято жилье в доме госпожи Брагиной, — Ася указала на невысокий домик в два окошка, около которого и остановился извозчик. — Собственно, договаривался мой опекун, господин Данилов...

Федор Иванович Данилов писал Асе: *«Дом, несмотря на внешнюю простоту, уютен и удобен. Конечно, можно было бы вас, Анастасия Васильевна, в «Купеческую» гостиницу поселить, где я сам стою, но, думаю, на отдельной квартире вам удобнее будет. Хозяйку зовут Федосья Николаевна Брагина. Вам только одну или две ночи придется провести у нее, а потом сразу отбудете под моим приглядом в Широкополье, где решено венчаться. Тысячу раз прошу прощения, что не приехал за вами сам. Задержали хлопоты, связанные с подготовкой приданого. Модистка задумала было время потянуть, однако я сие пресек. Все будет готово к вашему приезду. Постараюсь вас встретить если не на Сенной, то около дома госпожи Брагиной; если же не успею, то приеду попозже».*

— Вы уж, барыни, попроворней разберитесь промеж собой, кто из вас кто, — пропыхтел в эту минуту извозчик, откидываясь назад, словно от непомерной тяжести. — Как бы мне брюха не надорвать! Руки разломились!

— Ничего, подождешь, — равнодушно откликнулась незнакомая женщина.

---

¹ «Гречневик» — высокая, приплюснутая сверху валяная шапка, напоминающая пирог-гречневик, выпеченный «столбиком». Обычный головной убор разносчиков и извозчиков в описываемое время. *Здесь и далее прим. автора.*

Извозчик на эти слова то ли обиделся, то ли и впрямь усталые руки сами разжались, потому что сундучок вдруг плюхнулся на дощатый тротуар, да так, что раздался громкий треск.

Доски проломилась или сундучок разбился? И не вывалились ли из него нехитрые и довольно убогие Асины пожитки? Единственное приличное платье (сшитое, к слову сказать, собственноручно!) Ася надела в дорогу, да и оно было накануне беспощадно осмеяно Ликой Болотниковой.

Конечно, Лика могла бы и помолчать: ее-то наряд мало того что выглядел столь же поношенным, как у Аси, да еще оказался не слишком чист. Впрочем, Лика приезжала в Хворостинино в дилижансе. Кто знает, может быть, после путешествия в этой громоздкой и не очень удобной карете и Асино платье так же со стороны смотрится? Наверняка даже хуже, ведь она сидела на очень неудобном месте: у дверцы. Сама виновата! Федор Иванович наказывал ей брать лучшее место, самое дорогое. На это Асе был оставлен увесистый кошелек с деньгами. Однако Ася умудрилась забыть его в Хворостинине, в запертом доме, и спохватилась только на обочине дороги, уже завидев подъезжающий дилижанс. Того, что оставалось в ее дорожной сумке, едва-едва хватило на самое дешевое место. Но Ася понимала: возвращаться в деревню — не попасть сегодня в Нижград. А ведь через день назначено венчание Аси и Никиты Широкова — ее любимого Никиты! Никак не успеть толком приготовиться, а значит, нельзя возвращаться!

Не говоря уже о том, что приметы хуже возвращения с полдороги трудно придумать ...

На съезжей площади, прибыв в Нижград, Ася попыталась отчистить одежду, но, похоже, только грязь

размазала. Одна надежда: господин Данилов не обратит внимания на то, какая его подопечная замарашка. Совершенно как та самая Сандрильона¹ из старинной книжки «Повести волшебные с нравоучениями, на Российском и Французском языках, сочиненныя Господином Перольтом для детей»², которую Ася перечитывала не менее сотни раз!

Сандрильона, которой в ожидании встречи с принцем даже надеть на себя нечего...

Ну да не беда! Если у Сандрильоны была добрая крестная, то у Аси есть опекун. Не слишком добрый, иногда суровый, но, если верить тому, что сообщал Федор Иванович, не сегодня, так завтра Ася приоденется согласно всем модным ухищрениям. И станет выглядеть не хуже, чем Сандрильона на балу!

— Я и есть госпожа Брагина, именно я вела переписку с вашим опекуном, — заявила тем време-

---

¹ Сандрильон(а) — *от франц.* Cendrillon (cendre — зола). В первых переводах этой сказки на русский язык употреблялось именно это имя; в XIX в., даже в переводе И. С. Тургенева (1885 г.), героиню называли чаще Замарашкой, чем Золушкой.

² «Повести волшебные с нравоучениями, на Российском и Французском языках, сочиненныя Господином Перольтом для детей» — под таким названием вышло в 1795 г. (переиздано в 1805 г.) в России специальное издание для детей книги Шарля Перро «Histoires ou contes du temps passé», «Сказки былых времен», известной во Франции больше как «Les Contes de ma mère l'Oye», «Сказки матушки Гусыни». К слову, первый перевод сказок Перро на русский язык появился еще в 1768 г. под названием «Скаска о волшебницах с нравоучениями», но без указания авторства и не слишком подходящий для детей.

нем женщина и бросила суровый взгляд на извозчика: — А ты, голубчик, чего это чужим добром швыряешься? А ну, подыми сундучок да в колымагу свою поставь! Слыхал?! Не то не заплатят тебе ни гроша.

— Как это — не заплатят?! — возопил извозчик. — Как это...

— Бери сундук, ну? — повысила голос госпожа Брагина. — Аль вон к другому пересядем! — Она кивнула на пролетку с коричневой крышей, которая только что протарахтела колесами по Ильинке и остановилась невдалеке. Кучер, потуже запахнувший слишком просторный для него армяк и низко надвинувший на лоб шапку, сгорбился на козлах и вроде бы задремал. — А коли начнешь скандалить, кликну дворника, и он тебе таких coups de poing¹ надает, что кровушкой умоешься. Понял ли?

Извозчик насупился было, засопел воинственно, однако смекнул, что загадочные coups de poing грозят ему большими неприятностями, а денег своих он тогда уж точно не получит, поэтому послушно согнулся, взялся за железные ручки сундучка, снова старательно закрихтел и потащил поклажу в пролетку.

Ася оглянулась: дощатый тротуар был цел, из сундучка ничего не вывалилось. Ну и слава богу, что все обошлось!

Обошлось-то обошлось, да не все. Ей почему-то дают от ворот поворот и заставляют уезжать! Окна в домике закрыты ставнями и заложены болтами, дверь заперта на висячий замок...

— Но как же, но отчего же? — растерянно забормотала девушка. — Отчего вы меня в дом не пускаете, коли господин Данилов его снял?!

---

¹ Coups de poing — тумаки (франц.).

— Quel ennui!¹ — воскликнула между тем полная дама. — Quel неожиданный ennui!

— Что случилось? — насторожилась Ася. — Неужели еще не съехал прежний жилец?

— О нет, этот господин съехал вовремя, однако в тот же день был доставлен в лечебницу в очень дурном состоянии. Очевидно, «собачья смерть»², коя наши края покинула, следы свои все же оставила. Храни боже, не началось бы épidémie³ сызнова! — Брагина торопливо перекрестилась. — Дом, конечно, можжевельником окурен и хлорной известью обмыт, однако в ближайшие дни в него лучше не входить. Но вы не тревожьтесь, голубушка Анастасия Васильевна, — успокаивающе махнула рукой хозяйка, заметив, какое несчастное выражение лица сделалось у девушки. — Мы с господином Даниловым нашли для вас новое жилье — не столь далеко отсюда. Федор Иванович вас там и поджидает; к тому же часть приданого вашего уже привезли, и ваш опекун его сейчас принимает.

Ася растерянно хлопнула глазами. Очевидно, Федор Иванович с госпожой Брагиной коротко знаком, коль посвятил ее во все эти перипетии...

— Так что, барыни, едем мы куда-нито аль нет? — раздался страдальческий голос извозчика, который и сундучок Асин обратно загрузил, и на козлы взобрался, и вожжами уже потряхивал, готовый везти барынь, куда им угодно будет. — Только за выгруз-перегруз извольте надбавить, иначе с места не тронусь. И, понятное дело, за то, что по ино-

¹ Quel ennui! — Какая досада! (*франц.*)

² «Собачья смерть» — так в народе называли холеру, две эпидемии которой пережила Россия в 1830-х гг.

³ Épidémie — эпидемия (*франц.*).

му адресу придется тащиться, — тоже придется при-
платить.

— «По иному адресу», мать честная! — проворчала госпожа Брагина, подхватывая Асю под локоток и ведя к пролетке. — Каких же mots¹ нынче погонялки² набрались! Небось и за речистость надбавить потребуешь, прощельга!

— Обижать изволите, барыня! — вскричал извозчик, и голубые глаза его словно бы даже слезой подернулись. — Погонялки, чай, промышляют на колымагах да за гроши везут, а вы на мою повозочку рессорную гляньте — ну чисто карета для царевны-королевы! Своих денег стоит!

— Ну ладно, вези на Рождественку. Потом скажу, где там остановиться, — велела Брагина, и извозчик почему-то оглянулся на нее не просто недоумевающе, но с вытаращенными глазами:

— На Рождественку?! Так ты, барыня... так ты, барыня, никак, это... а что же барышня? Такова, как ты, что ль?

Ася непонимающе хлопнула глазами.

— Помалкивай! — рявкнула Брагина. — Не бойся, не обижу, хорошо приплачу за другой «адрес»! — Это слово она произнесла с явной издевкой, нарочито грассируя на «р». — А начнешь артачиться, вообще ни гроша не дам.

— Ну ладно, ладно, чего?.. — проворчал извозчик. — Только денежки извольте вперед. Знаем мы вас, которые с Рождественки-то!

— Ишь чего захотел — денежки вперед! Вот уж и впрямь меня узнаешь, коли станешь язык распу-

---

¹ Mots — слова (франц.).

² Погонялка — пренебрежительное прозвище самого дешевого извозчика.

скасть! — пригрозила Брагина и чуть ли не втокнула Асю в пролетку: — А вы чего мешкаете, Анастасия Васильевна? Сразу видно, что вы *la provinciale*¹, с позволения сказать! Барышни деревенские всегда готовы простонародье слушать, уши развесив, а не тотчас его окорачивать! Трогай, кому сказано, погонялка чертов!

Внезапный переход Брагиной от услужливой обходительности к неприкрытой грубости ошеломил Асю, но более всего ранило это «*la provinciale*». Сразу вспомнилось, как Лика Болотникова с миленьким таким, ласковым до приторности ехидством насмешливо высказалась, когда навещала Асю в Хворостинине:

— И ничем из тебя этого духа деревенского, местного не выбить, не выветрить, даже если семью ветрами продуть, все одно — разит сушеным журавельником², хоть нос затыкай! Но богатеньким невестам вроде нашей Асюли-люли-люли простительны будут и «черты провинциальной простоты, и запоздалые наряды, и запоздалый склад речей»...

Ася утешала себя тем, что Татьяне Лариной, пусть даже с ее провинциальной простотой, бог дал все-таки счастливую жизнь, — глядишь, и Асю Хворостинину не обидит. К тому же не оставляла мысль, что Лика, которая всегда была похожа на крючок: стремилась уколоть кого-нибудь язвительным словом, зацепить, поиздеваться, — сейчас тщится Асю побольнее задеть из зависти к внезапному повороту судьбы, поставившему ее на то место, которое Лика уже прочно считала своим. Ася подругу жалела и старалась не обижаться на уколы.

¹ *La provinciale* — провинциалка (франц.).

² Журавельник, или герань луговая — народное средство против моли.

Ли́ка сначала пообещала сопровождать Асю в Нижград, а потом и в Широкополье, чтобы помогать одеваться к венцу, но вдруг устроила скандал с истерикой и уехала на первом же проходившем мимо Хворостинина дилижансе одна, предоставив Асе добираться до Нижграда самостоятельно.

Впрочем, никуда Ли́ка не денется: она ведь с ума от любопытства сойдет, если не увидит Асиного приданого, так что наверняка появится в самом скором времени!

Между тем пролетка уже развернулась и начала спускаться с Ильинки по крутой улице к реке.

Кучер повозки, что стояла недалеко от дома Брагиной, внезапно встрепенулся, тряхнул вожжами, понукнул свою лошадку и, ловко обогнав извозчика, который вез женщин, припустил к Успенскому съезду, потом спустился к Рождественской улице и остановился на площади близ церкви Святых бесребреников Козьмы и Дамиана.

* * *

— Ох, ну неужели ты до сих пор не понимаешь, что пустая это затея? — тихо проговорила сидевшая в глубине повозки девушка в плотно запахнутом, несмотря на теплую погоду, салопчике и темном платочке.

Кучер поежился, втягивая голову в плечи, еще ниже натянул шапку. Армяк был ему великоват, да и шапка словно бы с чужой головы снята. Выглядел возница сушей деревенщиной, которая только начинает промышлять извозом или принадлежит к очень небогатому дому.

— Почему ж пустая? — буркнул он наконец, полюбовернувшись.

— Да потому! — огрызнулась девушка. — А ну как пойдут слухи, где она побывала?! Конечно, мадам Сюзанна позволила бы сбежать после того, как первый клиент ею попользовался. Конечно, она бы к своему опекуну вернулась. Конечно, он бы велел ей рот на замке держать. Конечно, дальше все своим чередом пошло бы... Ну а ежели б это все наружу вышло еще до венчания? В каком положении молодой супруг оказался бы? Неужто пристало кому жениться на гулящей, даже и за превеликие деньжищи? Это ведь непомерный урон чести для всей семьи! И вообще... этот опекун тот еще фрукт. Уркаган сибирский, морда со шрамом, глаз звероватый, неведомо, чего от него ждать. А ну как, дознавшись до случившегося, начнет крушить блудилище? А ну как мадам выдаст тех, кто ее нанял? Понимаешь теперь, что глупость затеяна? Иди прекрати это, да побыстрей.

— Да ладно пугать! Кто бы что узнал? — отмахнулся кучер. — Мы бы небось языки проглотили, чтоб из семьи ничего не вышло, да и эта дурища не вполне спятила, вряд ли проговорила бы...

— Ты, видать, давно девок не распочинал, — грубо ответила его спутница. — Забыл, что не всякая после срама одернет сарафан, примет от охальника пятак да и пойдет восвояси как ни в чем не бывало. Иная и в петлю голову сунет либо в омут кинется! А ну как и эта такова же? И не станет даже свадьбы ждать? И что тогда? Кто ей наследует? Кто богатство получит?

— Сама знаешь кто! — ожесточенно буркнул кучер. — При тебе пьяный нотариус языком болтал о завещании отца мамзель Хворостининой. Ежели она богу душу отдаст прежде свадьбы, этот разбойник сибирский все и наследует... А он и так богач, каких мало!

— Теперь видишь, что рисковать с этим делом нельзя? Иди, кому говорено! А потом что-нибудь другое придумаем.

— Приду-умаем! — так тяжело, словно все беды мира навалились на его плечи, вздохнул кучер. — Напридумывали уже. Казалось, все так ладно, а вот вышло наоборот.

— Успокойся, — ласково откликнулась девушка. — Первый блин всегда комом, это тебе любая стряпка скажет. Ничего, новое тесто заведем!

— Эх, вот беда, что столько хлопот напрасно приложено! — не унимался кучер.

— погоди, погоди! — вдруг пробормотала его спутница. — А ежели с этим уркаганом что-то случится? Ну, кондрашка его хватит по неведомой причине, да мало ли что... Тогда кому деньги перейдут?

— Да бес его ведает! — дернул плечом кучер. — Он вроде бы сирота. Верней всего, все богатства в казну отойдут, как обычно с выморочными деньгами бывает. Коли он оказался бы женат, все получила бы вдова его. Так ведь холост пока.

— Пока... — промурлыкала девушка.

— Ты это к чему? — насторожился кучер. — Уже начала новую дежу¹ заводить?

— Не торопи меня! Еще подумать надо. А пока иди туда, наготове будь. Да не забудь армячишко с шапкой скинуть!

— Ты хочешь, чтобы Аська меня узнала?! — вытаращил глаза кучер.

— Своего спасителя она непременно должна узнать! — расхохоталась девушка. — Ох и благодарить тебя станет! Весь свой недолгий век станет благодарить!

---

¹ Деревянная кадушка для приготовления теста; также и само тесто.

— Змеюка ты, змеища ты, — проворчал кучер, однако в голосе его звучало не осуждение, а восхищение.

— Пора идти! — властно сказала девушка.

Кучер начал стаскивать с себя армяк, приговаривая:

— Змеища! Право слово, змеища!

Девушка, осторожно высунувшись, внимательно озирала окрестности: не приметил ли кто их повозку, не помешает ли осуществить задуманное?..

* * *

Улицы, круто ведущие с горы к Волге, в Нижграде называли съездами, и сейчас пролетка спускалась по Успенскому. По обе стороны съезда зиял огромный Почаинский овраг, но вот колеса загромыхали по булыжной мостовой — это уже была Рождественка: шумная, разгульная, с многолюдьем толпы и запахнутыми из-за жары дверьми трактиров. Ася слышала, что замощены главные улицы города и съезды были по личному приказу государя императора, который недавно посетил город.

Как всегда, при мысли о государе сразу вспомнилась матушка, которая у него милость мужу, Асиному отцу, и наказание супостату, обидчику, на коленях вымолила. На глаза навернулись слезы, но девушка согнала их неприметным взмахом руки и снова принялась оглядываться.

Позади остались многочисленные ночлежки для бесприютного люда; по левую руку стояло в строительных лесах несколько новых домов, обещавших стать весьма красивыми. Раньше таких здесь вроде бы не было. Впрочем, Ася плохо помнила эту улицу: Хворостинины езживали сюда только по праздникам, чтобы попасть в Рождественскую церковь.

В последний раз это случилось без малого десять лет тому назад, а потом, как увезли отца в ссылку прямо из поместья, Ася в городе и не бывала.

И отца она больше не видела...

Внезапно госпожа Брагина приказала извозчику остановиться. Ася с удивлением увидела обширную площадь на месте дома купца Сафронова, близ старой церкви Святых бессребреников Козьмы и Дамиана. Ветер навевал с Волги запах большой, глубокой воды...

— Ну, выходите, милая Анастасия Васильевна, — ласково позвала госпожа Брагина, проворно, несмотря на полноту, выбираясь из пролетки и подавая извозчику деньги. — Довольно ли?

— Довольно, покорнейше благодарим, — буркнул извозчик, сунув монеты за пазуху.

— Сундучок достань да здесь поставь, — приказала госпожа Брагина. — Сейчас за ним придут.

— Федор Иванович выйдет нас встретить? — с надеждой спросила Ася, оглядываясь.

— Нет, он... он там ждет, — махнула рукой госпожа Брагина на невысокий деревянный дом, над которым возвышался двухэтажный каменный пристрой, аляповато украшенный «аннушками»¹. Окна дома были плотно зашторены.

Низенькая дверь, около которой остановилась повозка, распахнулась. Оттуда появился черноволосый, с окладистой черной бородой мужик мрачного вида. Туловище у него было могучее (косооборотка едва не лопалась), а ноги коротенькие, искривленные.

---

¹ В народе так назывались кариатиды — украшения фасадов домов в виде задрапированных или полуобнаженных девушек.

— Встречай, Харитон! — махнула ему госпожа Брагина и тут же рявкнула на замешкавшегося извозчика: — А ты чего расселся? Вытаскивай сундук! Говорено же было!

Мужик полез было с козел, однако двигался так неловко, что задел Асю и внезапно прошептал:

— Полезай обратно, барышня, и айда отсюда! Пропадешь ведь ни за что ни про что! Аль не понимаешь? Ад опустел! Сюда вся нечисть собралась!

Ася изумленно уставилась на него, как вдруг рядом приторно запахло фиалками и раздался веселый голос:

— Секлетей Фоминична, голубушка, мадам Сюзанна, ах, что за встреча! Нет, нет, ручку позвольте... ручку вашу, чудесница, позвольте! Что, новенькую привезли? Свеженькую? Ах, какой цветик полевой, пыльцой небось еще подернутый? Коли так, мечтаю быть первым, кто сию пыльцу стряхнет! Ну, Секлетей Фоминична, ведите в хоромы, ведите!

— Почему Секлетей Фоминична? — пробормотала Ася, уставившись на молодого человека в щеголеватом фраке и цилиндре. — Эту даму зовут Федосья Николаевна!

— Какая еще Федосья! — захохотал он и вдруг осекся, пристально глядя на Асю: — Постойте-ка... Я вас откуда-то знаю. Мадам Сюзанна, вы розанчик с какого кустика сорвали, а? Где я ее мог видеть? У кого она прежде подвизалась?

— Харитон! — взревела госпожа Брагина... или та, которая называлась госпожой Брагиной.

Чернобородый изо всех сил старался передвигать свои коротенькие ножки быстрее, однако это плохо ему удавалось.

В это мгновение господин во фраке вдруг вскричал, вытаращившись на Асю:

— Мадмуазель Хворостинина?! Неужто Аська?! Да с ума не сошла ли?! Что ты здесь делаешь накануне свадьбы?! Ах ты ж Секлетей, старая блудня, старая...

Последним словом молодой человек как бы подавился и, схватив Асю за руку, повлек было по улице прочь от госпожи Брагиной, или как ее там, однако извозчик заорал:

— Ко мне давай! Сундук ее у меня! Прыгай, да резвей!

Молодой человек метнулся к пролетке, посадил Асю, потом вскочил сам.

— Гони к «Жилому дому»! — крикнул было он, однако извозчик повернулся к Асе:

— Куда едем, барышня?

— В «Купеческую»! — пролепетала Ася, вовремя вспомнив, что именно там остановился Федор Иванович Данилов.

Свистнул кнут; пролетка понеслась.

— Я бы тоже обитать в «Купеческой» не отказался, да не по карману лопатничек!¹ — хохотнул молодой человек. — Только в «Жилой дом» и пристроился. Вроде бы рядом с «Купеческой», а номера втрое дешевле.

— Рядом, да не ладом! — хохотнул извозчик, обернувшись через плечо. — «Купеческая», чай, на улице парадной, а «Жилой дом» на задворках да по-мойках!

Молодой человек вскинулся было возмущенно, однако Ася воскликнула:

— Что происходит? Кто вы такой?! Объяснитесь, бога ради!

Льдисто-голубые глаза взглянули на нее презрительно:

---

¹ Лопатник — большой кошель (устар.).

— Полно, Аська, не придуривайся. Конечно, десяток лет не виделись, но не мог же я до такой степени измениться, чтобы ты меня не узнала!

Глаза Аси расширились, дыхание перехватило, так что она с трудом выговорила:

— Юраша! Юрий Диомидович! Неужто...

— Ну наконец-то! — сердито бросил молодой человек, снимая цилиндр. Запах фиалок стал гуще. — Только давай без Диомидовичей, бога ради! А теперь рассказывай, как ты угодила в лапы к этой старой трэне¹ Секлетее?! Это ведь знаменитая здешняя макрель!² Пристало ли тебе с ней знакомство водить?!

Французский словарь Аси был, на ее счастье, слишком беден, чтобы понять эти слова, однако она запомнила, как Юрий назвал «госпожу Брагину» блудней, а вот это слово было знакомым: в деревне живучи, французскому, может, и не научишься, зато родимым русским овладеешь во всех его тонкостях! Оказавшись вдали от беды, в компании человека, которого знала с детства, Ася приободрилась; к тому же уязвило, что Юрий смотрит на нее с откровенным презрением.

— Откуда такой фашенэбль³, как ты, Юраша, столь коротко знаком с этой, как ты ее называешь, трэне и макрелью? — спросила не без ехидства, и Юрий одобрительно подмигнул:

— А ты уже не та глупая овца, какой прежде была. Востра стала, умница. А что до моего знакомства

¹ Traîné — потаскуха (*франц.*).

² Maquerelle — сводня; содержательница публичного дома (*франц. разгов.*).

³ Фашенэбль (*от франц. fashionable*) — модный, стильный, светский.

с мадам Сюзанной, так ведь у мужчин бывают разного толка забавы. Вот выйдешь замуж — поймешь.

Ася чуть нахмурилась:

— Ты о чем? Хочешь сказать, что Никита и после свадьбы к этой мадам Сюзанне будет хаживать? Пыльцу с розанчиков сдувать?

Юрий уставился остолбенело, но потом разразился смехом:

— Ай да Аська! Ай да вострушка! Коли такой окажешься в супружестве, да не только в речах дневных, но и в тиши ночной, то можешь не бояться, что Никита от тебя сбежит. Я бы не сбежал, вот ни за что не сбежал бы, клянусь!

Ася вдруг залилась краской, смутилась, опустила глаза...

«Что это с ней такое? — удивился Юрий. — А вдруг... вдруг она в меня влюблена? В меня!!! А почему бы и нет? Свадьба с Никитой послезавтра, так ведь за эти дни любую игру переиграть можно! Что, если сейчас пасть к ее ногам и признаться в чувствах? Глядишь, дело по-иному перевернется: я всем завладею, и тогда Никитке придется у меня попрошайничать, а не мне у него!»

Его даже в жар бросило, он даже зажмурился блаженно, как вдруг почувствовал, что кто-то держит его за руку, и услышал взволнованный Асин голос:

— Юраша, что ты, что?

— Помрачение у него, не иначе! — воскликнул рядом другой голос, поглубее. — Оморок!

Юрий зло раздул ноздри. Он знал за собой такую слабость: иногда до такой степени глубоко погружался в мечты, что с трудом из них выныривал. Самое неприятное, что так властно им одолевали, к сожалению, мечты несбыточные. Держаться пре-

зрительно со всеми подряд (кроме, понятное дело, людей именитых и денежных!), напускать на себя цинизм и равнодушие Юрий научился весьма ловко, что давало ему право называть своего родственника Никиту Широкова болваном и мальчишкой (при этом они были почти ровесниками), однако же Никита к бессмысленным мечтаниям вовсе не склонялся в отличие от Юрия!

— Ты его, барышня, по щекам наверни, да покрепче, чтоб очухался! — снова раздался неприятный, грубый голос, и Юрий, открыв глаза, увидел, что Ася смотрит на него испуганно, а извозчик, повернувшись на своем сиденье, откровенно хохочет.

— Молчи, деревенщина! — зло бросил Юрий. — Чего стоим? Поехали!

— Да приехали уж, пока ты, барин, глаза закатывал!

— Ржать у кобылы своей научился, что ль? — процедил сквозь зубы Юрий, и кучер закатился так, что едва не свалился с козел:

— Да это мерин, неужто не видишь?

Юрий, вспыхнув, рванулся было вперед (припадки лютой ярости были ему свойственны так же, как приступы мечтательности), как вдруг рядом кто-то негромко спросил:

— Что происходит, Анастасия Васильевна? Почему вы здесь?

Юрий повел глазами, увидел рядом с пролеткой незнакомого мужчину и обнаружил, что пролетка стоит уже у крыльца «Купеческой».

Ах ты черт, так ведь уже до места доехали, покуда Юрий свои мечты лелеял!

— Ох, извините бога ради, но с этим домом вышло что-то непонятное, он оказался заперт... — несвязно начала объяснять Ася.

— Асенька, как ты сюда попала?! — услышал Юрий веселый девичий голосок.

Ну вот, и Лика тут как тут. И несказанное изумление на личике. Все как по нотам разыграно!

Девушки трещали как сороки, а Юрий насто-роженно уставился на незнакомца. Тот был роста выше среднего, на первый взгляд лет около тридцати.

Юрий по привычке всякого бонвивана¹ первым делом оценивал одежду.

Черный матовый (сразу видно, что из бобрового фетра, дорогой, разорительно-дорогой!) цилиндр тот держал в левой руке, а правой поддерживал Асю, помогая ей выйти из пролетки.

Серый сюртук сидит как влитой; под черными панталонами со штрипками угадываются мускулистые ноги умелого всадника или привычного пешехода. Башмаки, конечно, лакированные. Жилет серый; галстух, или шейный платок, завязан безупречным и в то же время затейливым узлом, как если бы этот человек внимательнейше проштудировал трактат Оноре де Бальзака «Искусство ношения галстука» (Юрию книгу сию раздобыть не удалось, только наслышан был о ней); в петлице никакой булавки, никакого пошлого цветка.

Скромно и элегантно.

Юрий, остро ощущая, что серый фрак его под мышками защит не слишком умело, башмаки не блестят и пошло скрипят, на лиловом жилете вульгарные бронзовые пуговицы (зря надеялся, что сойдут за золотые!), цилиндр так и блестит (шелк третьесортный!), а от завитых волос несет помадой

---

¹ Бонвиван (*от франц. bon* — добрый, хороший и *vi- vant* — живой, бойкий) — щеголь, фат, прожигатель жизни.

«Violette»¹, неприязненно взглянул в лицо незнакомца.

Лицо загорелое, обветренное; со лба на щеку спускается узкий бледный шрам. Бакенбарды выглядят замечательно ухоженными, однако темно-русые, с чуть заметной проседью на висках волосы попросту зачесаны назад: надо лбом никакого модного кока. Не жжет, стало быть, волосы раскаленными щипцами для завивки ежеутренне! Брови близко сходятся к переносице, придавая лицу вид не то настороженный, не то хмурый; карие глаза смотрят холодно, неприветливо, узкие губы чуть поджаты... Презрительно поджаты, показалось Юрию, который был мнителен и обидчив!

— Лытки подбери, молодой, чего выставил на полдороги! — донесся до него пренебрежительный голос извозчика. — Не ровен час, колесом отхряпает! Опосля вожгайся с тобой!

— Что ты сказал? — удивился незнакомый человек. — Это что же за язык такой?

— Да я не вам, сударь, а тому вон господинчику, — весело сообщил извозчик, мотнув бородой в сторону Юрия. — Что ж до языка, то все кучера в Нижграде промеж себя этак-то калякают. И лихачи, и «ваньки», и ямщики, и всякие прочие погонялки. Мы друг дружку понимаем, а нас не всяк поймет!

— Но давеча, на Рождественке, ты нормально говорил... — хлопнул глазами Юрий, который отродясь не слыхал ни о каком таком особенном наречии, но извозчик только ухмыльнулся:

— Нонеча не то что давеча! Засим прощевайте, господа хорошие! Вам, барышня, жениха доброго, а вам, сударь, — извозчик взглянул на знакомого

---

¹ Violette — фиалка (*франц.*).

и сделал движение, словно хотел почтительно сорвать с головы «гречневик», но почему-то передумал и только поглубже его насунул, — а вам прибыли без убыли!

— Спасибо большое вам, — оторвалась наконец от болтовни с Ликой Ася. — Пожалуйста, Федор Иванович, расплатитесь с этим добрым человеком, он нас так выручил, а я, растяпа, все деньги в Хворостинине забыла!

— К счастью, я нигде ничего не забыл, — сухо проговорил незнакомец и вручил извозчику полтинник.

Юрий скрипнул зубами от жадности.

Вот ведь швыряется деньгами! А тут сидишь весь в долгах как в шелках!..

Извозчик убрал монету и снова рявкнул на Юрия:

— Лытки подбери, кому говорено! То суетился, как бешеная тарашка, а теперь маято маятом!

Юрий только сейчас сообразил, что одной ногой стоит на приступочке пролетки, а другой на земле. Неуклюже соскочил с приступки, и зловредный погонялка наконец укатил.

— Федор Иванович, с Ликой Болотниковой вы уже знакомы, а теперь я рада представить вам Юрия Диомидовича Хохлова, приятеля детства моего, — сказала Ася. — Юраша, познакомься с господином Даниловым, другом покойного батюшки и моим опекуном.

Юрий кое-как выбрался из пролетки и, протянув руку, встретил крепкое пожатие широкой ладони с жесткими бугорками мозолей.

Он и без Асиного представления угадал, кто этот человек.

Ну да, Федор Иванович Данилов, явившийся из глубины, так сказать, сибирских руд разбойник (об этом свидетельствует шрам, оставленный, конеч-

но, ножом такого же лихого черта, как сам Данилов) и скоробогач. И он еще смеет презрительно кривить губы на приличного человека! На отпрыска дворянского рода!

Подумаешь, фрак вот-вот лопнет под мышками! Подумаешь, цилиндр лоснится, а кок надо лбом пережжен щипцами! Это все скоро переменится самым разительным образом. И тогда господин Данилов узнает свое место. А пока надо быть с ним начеку! Ведь эта тварь, конечно, — тварь опасная...

* * *

Вечером того же дня, все-таки устроив свою подпечную в шумной «Купеческой», но по соседству со своим номером (пусть под присмотром будет!) и расспросив о подробностях ее злоключений, Федор Иванович Данилов решил произвести расследование и, прихватив небольшую светло-коричневую кожаную сумку, сделанную по его собственному заказу на манер изобретенного французами «портэфёя»¹ (с этой сумкой Данилов никогда не расставался, потому что там хранились важнейшие бумаги), вышел из номера в сопровождении молодого тунгуса² Ульяна, своего друга и слуги. Вообще-то его имя было Улген, ну а Ульяном звали просто по созвучию с русским именем.

---

¹ Первоначально и довольно долго слово «портфель» (от франц. portefeuille — несущий лист бумаги) произносилось именно так — «портэфёй», и это, кстати, в отличие от современной общепринятой формы «портфель» вполне соответствует французскому произношению.

² В описываемое время так называли представителей всех сибирских и дальневосточных народностей.

В коридоре Данилов отчетливо расслышал смешки и болтовню, доносившиеся из-за двери его подопечной. Не сдержав любопытства, стукнул, ожидая вопроса «Кто там?», однако услышал веселое:

— Да где же ты столько времени шлялся?! Входи скорей! — и споткнулся от удивления.

Потом раздался возмущенный Асин визг:

— Нет, нельзя, нельзя!

Вслед за этим дверь распахнулась, и перед ошарашенным Даниловым предстала миленькая, хотя и несколько востроносенькая девица в неприглядном платьишке. Ее легко можно было принять за горничную, если бы Данилов совершенно точно не знал, что это Лика Болотникова — давняя подруга Аси. Лику он видел сначала в Хворостинине, а сегодня — около «Купеческой», когда смешной болтливый извозчик привез Асю и ее франтоватого приятеля после приключений на Рождественке. Поначалу Лика показалась Данилову застенчивой и скромной, в точности как Ася, а теперь черные бойкие глаза ее сияли, на лице цвела игривая улыбка. Она была похожа на маленькую бойкую птичку. Ульян на своем языке называл ее «турачан» — «сорока», хотя, на взгляд Данилова, ей больше подошло бы название «белика», то есть «ласточка». Однако беликой Ульян назвал Асю, что Данилова удивило. И не только назвал ее так Ульян, но и, бормоча: «Шаман и его волшебство сопровождают человека от его рождения и до смерти!» — еще в Хворостинине покрутил над девушкой сплетенный из множества веревочек и нитей браслет — гилаптун, к которому были прицеплены кусочек кожи, вырезанный из унгувуна, шаманского бубна, ласточкино перышко и крошечный золотой самородок, имеющий форму мужского детородного органа. Ася, по невинности и скорости

свершения обряда, едва ли разглядела неприличный предмет, да и вообще не поняла, что происходит, даже немного перепугалась, зато потом Ульянов объяснил Данилову, что призвал благословение богов, которые дадут «белике» счастье с тем мужчиной, женой которого она станет.

С Никитой Широковым, стало быть, обретет счастье Ася.

С Никитой Широковым, к которому она прибудет с богатым приданым, о коем позаботился Данилов...

Почему-то при имени Никиты Широкова Данилову и раньше становилось тоскливо, и теперь тоска взяла.

Да ну, что за ерунда!

Итак, он вошел в комнату.

Завидев его, Лика отпрянула было, но потом торопливо пригладила свои смоляные волосы, и без того гладко обливавшие ее голову, сделала книксен¹, закатилась смехом:

— Ой, простите! Простите, Федор Иванович! Мы думали, это Юрий пришел! — и, схватив Данилова за руку, повлекла его в комнату, приговаривая: — Входите хоть вы, взгляните, какое прелестное платье, какой миньон!² Вкус у вас отменный, Федор Иванович!

— Нельзя сюда! — чуть ли не сквозь слезы провизжала Ася, и Данилов увидел ее стоящей на табурете в сорочке и короткой нижней юбке, с оголенными плечами и ногами, прижавшую руки к груди. Мельком Данилов удивился необычайной

---

¹ Книксен — поклон с приседанием, не столь глубоким, как при реверансе.

² Mignon — милый, трогательный (*франц.*).

стройности ее ног с тонкими щиколотками, этим скульптурным коленям, этим стопам с высоким подъемом и красивыми пальцами — да вообще изяществу всей фигуры удивился. В одежде Ася выглядела совсем невзрачной — может быть, потому, что одежда была такова. Данилов на правах опекуна предпринял некоторые меры, чтобы исправить дело, и, судя по словам Лики, меры оказались весьма удачными.

Данилов покачал головой. Его подопечная, конечно, воплощение невинности и добродетели. Ишь как перепугалась при виде мужчины! Ну ничего, жизнь отучит ее бояться этого существа... хотя, вполне возможно, приучит бояться еще пуще. В любом случае узнает, что это за птица!

Вспомнился забавный водевиль «Бабушкины попугаи», виденный Даниловым в Москве. В нем рассказывалась история двух девиц, которых заботливо оберегали от всякого знакомства с мужчинами. И когда двое молодых людей все-таки проникли в сад, где прогуливались девушки, то их воспитательница мадам Курмонд принялась уверять, будто это не люди, а попугаи особой породы. Девушки, однако, быстро смекнули, в чем дело и что за птица — попугай!

Именно о том и пелось в популярных куплетах из этого водевиля:

Как девиц ни уверяй,
Но узнают, верно, сами,
Что за птица попугай!

Рядом с Асиным стулом топталась полненькая девица в сарафане, холщовой рубаше и в платочке — очевидно, горничная. Она держала в руках

что-то пышное, шуршащее и шелестящее бирюзового цвета.

По креслам и стульям были навалены другие одеяния, заказанные Даниловым для Аси у самой известной городской модистки, мадам Жаклин.

Извинившись за вторжение, Федор Иванович шагнул назад, прихлопнул дверь и мысленно процитировал, хоть и несколько посвоевольничав, строки из знаменитой комедии «Горе от ума», которую в свое время читал в списке¹, тайно доставленном в Енисейск для одного из сосланных туда бунтовщиков-декабристов: «Что за комиссия, создатель, быть взрослой барышни опекуном!»

— Фу, Аська, какая ты невежа! Федор Иванович старались, заказывали для тебя приданое, а ты гонишь их прочь, — донесся из-за двери голос Лики.

— Да как же тебе не стыдно было их зазывать, когда я раздета! — жалобно вскрикнула Ася, а Лика хохотнула:

— Чего ты так застеснялась? Господин Данилов твой опекун, это же все равно что отец!

— Какой он мне отец?! — возмущенно закричала Ася. — Он чужой мужчина, а ты меня напоказ... напоказ меня выставила! И не вздумай впустить сюда Юрия, слышишь?! Иначе я тебя выгоню вон! Выгнью вместе с твоей Марфой!

Марфой, смекнул Данилов, звали, видимо, горничную.

— Да ты что, Асенька, взбесилась? — возопила Лика. — Как у тебя язык повернулся?!

---

¹ Впервые на русском языке (со значительными сокращениями) комедия «Горе от ума» была опубликована уже после смерти А. С. Грибоедова, в 1833 г., до этого же, и долгое время потом, ходила по рукам в списках.

— Вот так и повернулся, — огрызнулась Ася. — Немедля пошли Марфу встретить Юрия и сказать, чтобы не вздумал здесь появиться!

— Полно вам, барышня, злиться, — примирительно прожурчала горничная. — Юрий Диомидович вам такую услугу оказали...

— Что-о?! — возмущенно протянула Ася. — А ты откуда об этом знаешь?! Или уши наострила да подслушала, как они с Ликой судачили?

— Ну так как же иначе, барышня? — без всякого смущения ухмыльнулась Марфа. — Нашей сестре нельзя уши да глаза не вострить, иначе господам к месту да ко времени не услужим!

— Ладно, коли хочешь мне услужить, останови Юрия, чтоб не совался сюда. Не желаю его видеть! — огрызнулась Ася.

Данилов удивленно качнул головой. Оказывается, его застенчивая и робкая подопечная не так уж застенчива и робка. Ишь как стрижет — словно ласточка крыльями в вышине. Белика она и есть белика!

— Да как же? — растерянно спросила Марфа. — Ежели я платье положу, оно ведь помнется!

— Потом выгладишь! — обиженно и со злостью приказала Лика. — Иди, говорят, ну что за манера вечно перечиться!

Дверь распахнулась. Данилов не успел посторониться, и выскочившая Марфа уткнулась в него пышной грудью, которая оказалась весьма упругой.

Федор Иванович хмыкнул.

— Простите великодушно, барин! — Марфа сверкнула глазами, потупилась и понеслась было дальше, потирая щеку, но тут на ее пути оказался Ульянов, стоявший чуть поодаль в ожидании Федора Ивановича.

— Ой, кто это? — резко остановившись, воскликнула Марфа не без испуга. — Ты чего здесь стоишь, косоглазенький? Тебя как зовут?

Тунгус растерянно отпрянул.

— Его зовут Ульян, это мой слуга, — проговорил Данилов, и Марфа оглянулась — на сей раз с игровой улыбкой:

— Слуга ваш, значит? Ишь какой... — И она побежала дальше, проворно перебирая скрипучими лапотками. Пышное тело ее колыхалось, сарафан вился вокруг ног, темно-русская коса, свесившись из-под платочка, смешно подпрыгивала на поясище...

Девушка свернула за угол коридора. Данилов насмешливо взглянул на слугу, который с озадаченным видом топтался на месте:

— Чего ты окаменел, Ульян? Неужели эта гэ¹ тебя напугала?

Тот смущенно пожал плечами. Тунгус был еще молод и русских барышень робел.

Федор Иванович постоял, по-прежнему прислушиваясь к тому, что творилась за дверью Асиной комнаты.

Иногда оттуда доносились всхлипывания. Данилов предположил, что это Лика выплакивает прощение у внезапно разозлившейся подруги, которая — возможно, впервые в жизни! — показала, что у нее есть характер.

Впрочем, Федору Ивановичу пора было идти по своим делам. Поманив за собой Ульяна, он начал быстро спускаться со второго этажа, в котором жил, как вдруг его внимание привлекла некая возня под лестницей.

---

¹ Гэе — красавица (эвенк.).

— Ну ладно, не пойду к барышням, но ты мне дай, сейчас дай, — задыхаясь бормотал мужчина, однако его окорачивал мягкий говорок Марфы:

— Ах нет, голубчик Юрий Диомидович, мне Гликерия Ильинична глаза выцарапает! Ах, оставьте меня, не кусайте в шею, заметят синяки-то!

— Ладно тебе играть, игрунья! — жарко выпалил мужчина. — Ну, дай! Не доживу до ночи!

— Вот и ладно, что не доживете! — строптиво пропыхтела Марфа, видимо, силясь вырваться из его объятий, но ей это, похоже, не удалось, потому что раздались звуки пылких поцелуев, и Данилов, испугавшись, что его могут застать подслушивающим, слетел с лестницы и, в два шага проскочив вестибюль, выскочил на улицу.

Ульян так и вылетел следом. Его узкие глаза стали почти круглыми от изумления.

— Да, — покачал головой Федор Иванович, — вот такая гэе!

— Сулаки мудурэнмэмэ!¹ — сердито бросил Ульян. Итак, и Марфа получила тунгусское имя.

Ну что ж, тут Ульян угадал, девка-то хитровка! Если Ася теперь выйдет за Никиту, для Лики будет большой удачей поймать в свои сети Юрия. А тут аппетитная горничная дорогу переходит... Впрочем, горничную Юрий всяко замуж не возьмет. А вот Лику-бесприданницу возьмет ли?..

— А его как бы ты назвал? — с любопытством повернулся к Ульяну Данилов. — Этого Юрия — как назвал бы?

— Ними миримэкли, — буркнул Ульян.

Данилов не мог сдержать смеха: эти слова значили «пестрый глухарь». У тунгусов глухарь — символ

---

¹ Сулаки мудурэнмэмэ — лиса хитрующая (*эвенк.*).

глупости и доверчивости. Но вот тут Ульян, пожалуй, ошибся, ох ошибся!..

— Далеко ходить, Федор? — спросил тунгус.

— Да нет, почти рядом. Где вчера были.

— Плохо! Блиско! — вздохнул Ульян, которого хлебом не корми, дай только пройтись пешком: знать, напоминали о себе те времена, когда он отмеривал расстояние не верстами (даже слово такое было ему раньше неизвестно!), а днями пути. Он томился в Нижграде еще сильнее, чем Данилов, и тот не мог не улыбаться, вспоминая, как во время поездки в Хворостинино Ульян порой выскакивал из повозки и не то шел, не то бежал вдоль дороги, углубляясь в окрестные леса, хоть в малой степени утоляя тоску по тайге. Впрочем, здешние леса он всерьез не воспринимал и сокрушенно постанывал иногда: «Это не сигикат, нет, это конули!»¹ Однако в городе он никогда не шел рядом с Даниловым — всегда на несколько шагов отставал. Тоже давала себя знать привычка таежника, тем паче таежника-золотоискателя, — привычка прикрывать от нападения спину напарника, несущего добычу, высматривать того, кто может выстрелить в него.

Что и говорить, Данилов и сам даже в городе, даже вдали от тайги, даже в *России* (так сибиряки называли те края, что лежат западнее Урала) не мог отделаться от привычки отовсюду ждать подвоха, это в лучшем случае, нападения зверя ли, человека — это в худшем. Человека, который выстрелит в спину...

Именно так погиб Василий Хворостинин, и воспоминания об этом иногда налетали на Данилова, словно черные вороны с железными ключами!

---

¹ Сигикат — тайга; конули — пусто, пустота (*эвенк.*).

Чтобы отогнать злую стаю, которая норовила заклевать его до смерти, Федор Иванович ускорил шаги, тарашась по сторонам и надеясь отвлечься.

После размашистого Енисейска, его родного города, после долгих лет, проведенных в тайге, все здесь казалось как бы тесноватым. Нижград выглядел неряшливым, построенным беспорядочно и нелепо; его уродовали овраги, отлоги которых были утыканы низенькими, бедными домишками и кучными огородиками. Волга и ее высокие правые берега несколько примиряли с общим впечатлением, но и Волге, конечно, оказалось далеко до Енисея. Если бы не данная Василию Хворостинину клятва, Данилов никогда бы сюда не приехал! Однако ему следовало выдать замуж дочь Хворостинина — и при этом позаботиться о том, чтобы она не попала в кабалу к Широковым.

* * *

Об этой семейке Данилов был наслышан и от самого Хворостинина, и от Аси. Василий Петрович упоминал о Широкове-старшем со смесью самой горячей дружбы с такой же горячей ненавистью; Ася тоже ненавидела человека, погубившего ее отца. Почему же этой свадьбе непременно следовало состояться?! Да потому, что Хворостинин был человеком слова и до самой смерти оставался верным обещанию, которое дал другу, впоследствии предавшему его. Что же касается Аси...

У Федора Ивановича сложилось не слишком лестное мнение об этой девушке. Высокая (ростом почти с него), худая, бледная, застенчивая порой до неуклюжести, она была совершенной противоположностью сибирячкам, которых Данилов

считал самыми привлекательными женщинами на свете. И дело было не только в их свежих бело-румяных лицах, не только в их приманчивой стати. Если Ася превосходила многих из них начитанностью (Хворостинин хвалился своей домашней библиотекой, а вот в Енисейск газеты и журналы поступали с огромным опозданием, книжные же собрания имелись только у немногих лиц, в числе которых, на счастье Данилова, был его отчим, местный промышленник), то сибирячки обладали такой жизненной силой, о которой Ася Хворостинина могла только мечтать.

Впрочем, от одной такой «жизненной силы» Федор Данилов некоторое время назад и сбежал в тайгу безвозвратно, так что все хорошо в меру!

Ася, даже после всех перенесенных унижений, соглашалась выйти за Никиту Широкова, потому что этого пожелал в свое время ее отец. Но однажды она невзначай призналась Данилову, что намерена восстановить Широкополье, где когда-то, еще в детстве, частенько гостила и которое осталось в ее памяти истинным образцом красоты. Теперь Широковы обеднели, имение было разорено. А вот у Аси появились деньги, и она лелеяла надежду, что ее дети будут когда-нибудь жить в этом прекрасном доме, гулять в этом прекрасном саду, что им будут принадлежать окружающие поля и леса, ныне проданные за долги, но Ася эти просторы мечтала откупить!

Данилов, надо сказать, давно усвоил, что впечатления детства теряют свои обаятельные краски, когда человек взрослеет. И подозревал, что Асей владеет не столько желанием вернуть прошлое, сколько страстная охота восторжествовать над теми, кто унижал, отвергал ее, кто стал причиной ссылки отца — и его гибели. Ну что ж, это Федору Ивановичу было

вполне понятно, хотя он не слишком-то верил, что Ася выдержит взятую на себя роль. Наверняка она была когда-то влюблена в Никиту Широкова и продолжает любить его до сих пор, несмотря на все обиды и горести, причиненные ей Широковыми.

Ох уж эти вечные Сандрильоны с их терпеливым ожиданием глупого как пробка и явно подслеповатого принца с запыленным, изрядно потрескавшимся стеклянным башмачком!¹

Федор Иванович еще не видел жениха (Никита должен был встречать невесту и ее посаженного отца, то есть Данилова, в Широкополье, где и предстояло венчаться в местной сельской церкви), но, судя по описаниям, он должен напоминать Юрия Хохлова, с которым его нынче познакомила Ася и который тискался под лестницей с Марфой.

Данилову этот молодой человек сразу показался очень себе на уме! Одежда его выглядела поношенной и не больно-то хорошего вкуса, однако Федор Иванович, который совсем недавно сам начал одеваться комильфо, относился к этому снисходительно. Он и сам порой взирал на свое отражение в зеркале озадаченно, а по утрам, спросонья, так и вовсе себя не узнавал, поскольку в снах своих оставался прежним: заросшим бородой, с волосами, стянутыми замызганным платком, чтобы не мешали работать, иногда в накомарнике; видел себя одетым в перемазанный глиной и землей зипунишко, в такие же грязные штаны и сапоги. Руки его, теперь ухоженные и обтянутые лайковыми перчатками, еще недавно были покрыты цыпками, пальцы сбиты, а ногти

---

¹ В сказке Перро Сандрильон(а) получила от волшебницы-крестной именно стеклянные башмачки (les pantoufles de verre).

обломаны от непрерывного перебирания камней и комков глины в промывочном лотке — в надежде, что повезет и он сможет отыскать наконец в грязной воде достойный самородок, и не один.

Ну что ж, ему однажды повезло, очень повезло!
Хоть и не с промывочным лотком...

Почему Юрий Хохлов (этот пестрый глухарь, по словам Ульяна) столь своевременно появился около дома мадам Сюзанны, куда обманом завезли Асю? Этот вопрос не давал Федору Ивановичу покоя.

Опоздай Юрий буквально на минуту, и следов этой простодушной девушки было бы не найти даже Данилову, хотя ему не раз приходилось в тайге идти по следу зверя или врага, чтобы настигнуть их.

Появление Юрия — счастливая случайность? Нет слов: жизнь не раз убеждала Данилова в том, что счастливых случайностей происходит иногда так много и они так ловко сходятся одна к одной, что в них даже не верится. И все-таки следовало хорошенько поразмыслить над этим вопросом. Тем более что необходимо было выяснить, куда пропала подлинная госпожа Брагина и почему вместо нее Асю встретила мадам Сюзанна.

Госпожа Брагина перепутала время встречи, и вышеназванная мадам воспользовалась этим, проворно придумав жуткую историю про заразного постояльца? Ну, господа... эта случайность относилась именно к разряду тех, в которые Данилов не был готов поверить!

Размышляя, Федор Иванович добрался наконец до известного ему дома на Ильинке, но обнаружил его запертым. Ася рассказывала, что ставни все были заложены болтами, а дверь закрыта на замок. Так же обстояли дела и сейчас.

Пожав плечами, Данилов прошел немного по Вознесенской улице, свернул на Телячью и направился к угловому дому. Он уже был здесь вчера, когда сговаривался с госпожой Брагиной, которая в этом доме постоянно жила, а тот, что находился на Ильинке, сдавала внаем.

Однако и этот дом Брагиной казался запертым!

Но только казался: присмотревшись, Данилов увидел, что входная дверь чуть приоткрыта, замок зацеплен за скобу и даже ключ торчит из скважины.

Похоже, госпожа Брагина собралась уходить, однако по какой-то причине вернулась — ясно, что ненадолго, иначе она забрала бы и замок, и ключ с собой в дом.

Данилов шагнул было к двери, как вдруг оттуда высунулся пухлый узел, увязанный в пестрый платок, а затем показалась и державшая его худощавая особа в черном салопчике и платке.

Батюшки, да ведь это госпожа Брагина! Собственной персоной!

— Федосья Николаевна! — воскликнул Данилов приветливо. — Рад встрече!

Хозяйка обернула к нему испитое лицо с ввалившимися щеками, ахнула и проворно метнулась обратно в сени, однако Данилов оказался еще проворней и успел не только вскочить вслед за ней в дом, но и поймать хозяйку за руку.

Света, проникающего из дверей, было достаточно, чтобы увидеть, как испуг на лице Брагиной сменился негодованием.

— Что это вы, сударь, на людей этак кидаетесь? — прошипела она. — Тут вам, знаете ли, не сибирские края, где всякому зверю и татю ночью привольно!

Данилов снял цилиндр:

— Неужто вы меня не узнали, Федосья Николаевна? Это я, Федор Иванович Данилов.

— Да я вот и говорю, что вам тут не сибирские края, из которых вы явились... — начала было она с прежней запальчивостью, однако осеклась и поджала свои тонкие губы так плотно, словно собиралась их прожевать.

Данилов прищурился:

— А кто вам, дражайшая Федосья Николаевна, поведал о том, что ваш покорный слуга прибыл из Сибири? Я, помнится, в подробности своего жизнеописания не вдавался.

Брагина молчала. Судя по морщинам, собравшимся на лбу, она изо всех сил пыталась придумать достойный ответ.

Данилов терпеливо ждал.

— Это я вообще сказала про сибирские края, — наконец выдавила Брагина. — Просто так. К слову пришлось. С чего вы взяли, что про вас речь шла? — С каждым словом она поддавала пыли-жару: — А уж коли вы сюда приперлись, сударь, извольте объяснить, куда ваша подопечная девица запропала? Я ее целый день на Ильинке попусту прождала. А вы, ежели деньги свои желаете обратно получить, то совсем напрасно на это надеетесь! Кабы не ваши происки, я бы другим господам сдала жилье, да еще и подороже! Так что ваши деньги пойдут в возмещение моим неприятностям!

К окончанию своего монолога госпожа Брагина раскраснелась и приняла уверенный и даже воинственный вид.

Данилов оставил без внимания и «приперлись», и «происки», и «возмещение неприятностям», и «целый день попусту прождала». Проговорил спокойно и даже, можно сказать, приветливо:

— Федосья Николаевна, вы зря так волнуетесь. Никаких денег я с вас требовать не намерен, да и вообще — я уже нашел для моей подопечной другое жилье.

— Да что вы говорите! — хохотнула Брагина. — Уж не на Рождественке ли?

«Ого!» — чуть не воскликнул Данилов, однако спросил с прежней приветливостью:

— А почему это вы, Федосья Николаевна, про Рождественку вдруг заговорили? Откуда вам известно, что мою подопечную должны были туда завезти после того, как на Ильинке ее встретила некая особа весьма неприглядного поведения, назвавшаяся вашим именем?

Воинственность госпожи Брагиной растаяла подобно майскому снегу под майским же солнцем. Лицо ее выразило такой ужас, что Данилову показалось: сейчас эта мещанка хлопнется без чувств, словно какая-нибудь представительница высшего общества, в котором обмороки нынче сделались чрезвычайно модны. Однако госпожа Брагина оказалась крепка: швырнула свой узел в Данилова, а сама кинулась к двери и уже почти выскользнула вон, как вдруг жалобно запищала и попятилась.

Данилов посторонился, чтобы женщина не наткнулась на него, и Брагина отступала до тех пор, пока не уперлась спиной в стену. При этом она непрестанно осеняла себя крестным знамением и что-то беззвучно шептала — очевидно, молитву, которую принято творить при встрече с нечистой силой. Глаза ее были выкачены от ужаса и устремлены на уличную дверь, в проеме которой внезапно появился... нет, вовсе не черт, а узкоглазый человек в плисовых штанах, мягких сапожках, коротком неподпо-
санном зипуне и картузе с тряпичным козырьком.

Он был невысокий и настолько поджарый, что мог бы сойти за подростка, кабы не серьезное, даже недоброе выражение узкоглазого плоского лица.

Данилов с трудом подавил усмешку. Ульян, когда хотел, умел придавать своему узкоглазому лицу выражение очень даже устрашающее. Вдобавок он держал руку под полою зипуна с таким видом, словно у него там на веревочной петле был привешен топор.

А почему бы и нет, собственно говоря? Хоть Нижграда цивилизация в той или иной мере достигла, все же его окрестности оставались еще вполне дремучими. Память о разбойничьей Ошаре жила не только в названии улицы и площади! И манера носить под армяком либо зипуном топорик, а то и обрез была в этих окраинах довольно распространена.

Кстати, именно появление Ульяна и заставило строптивую модистку мадам Жаклин поклясться, что приданое для мадемуазель Хворостининой будет готово в срок.

Ну и госпожа Брагина перепугалась до онемения.

— Погоди, Ульян, — слегка улыбнулся Данилов. — Я сам это дело улажу.

Тунгус послушно отступил за порог.

— Ну, я слушаю, Федосья Николаевна, — спокойно вымолвил Данилов.

Потребовалось некоторое время, чтобы госпожа Брагина снова обрела дар речи, но уж после этого не составляло труда вызнать у нее, что требовалось. Более того, поток ее признаний приходилось иногда замедлять!

Не прошло и четверти часа, как Федору Ивановичу стало известно, что рано поутру госпожу Брагину вот в этом самом доме на Телячьей улице навестили двое: молодой человек и молодая дама. Хозяйка была так ошарашена весьма немалой суммой, которую

ей с порога предложили посетители, что ни на одежде, ни на облик их особого внимания не обратила. Вроде бы дама была невысокого роста, в клетчатом платке, закрывавшем и голову, и фигуру, господин, наоборот, довольно высокий, в накинута на плечи плаще и в картузе, надвинутом на лоб так, что лица не разглядеть. От Брагиной требовалось не являться сегодня в дом на Ильинке, который она сдала господину Данилову (этому «неотесанному сибиряку», как аттестовала его гостья) и куда должна была около полудня приехать девица по имени Анастасия Васильевна Хворостинина.

Федосья Николаевна вечно испытывала нужду в деньгах (а кто ее не испытывает, скажите на милость?), поэтому согласилась не манежась. Однако любопытства она унять не смогла и как раз около полудня ощутила неодолимую охоту пройти мимо того самого дома, но по противоположной стороне Ильинки. Ей пришлось профланировать туда-сюда несколько раз, пока она не заметила около дверей не кого иного, как Секлетею Фоминичну Разуваеву, называемую чаще мадам Сюзанной: держательницу блудилища, которое находилось на Рождественке.

Откуда эту особу знала госпожа Брагина? Да отсюда, что у нее имелась двоюродная сестра, которая жила неподалеку от означенного блудилища. Именно она когда-то показала Федосье Николаевне на улице Сюзанну и открыла род ее занятий.

Любую отъявленную ханжу (а госпожа Брагина принадлежала к сонмищу таковых) чрезвычайно возбуждает даже намек на малейшую непристойность, именно поэтому она зачастила к своей родственнице, чтобы лишний раз пройти мимо блудилища и ощутить блаженный приступ отвращения ко грехам человеческим. Во время своих прогулок

Брагина частенько встречала Секлетею Фоминичну, потому сразу ее узнала. А когда Разуваева и приехавшая девушка сели в пролетку, госпоже Брагиной не составило труда угадать, что Сюзанна заполучила в свои лапы новую жертву, которая вряд ли от нее вырвется.

День клонился к сумеркам, когда Федосью Николаевну начали терзать неприятные предчувствия. Она смекнула, что «неотесанный сибиряк» вполне может наведаться к своей подопечной и, не обнаружив ее на Ильинке, заявится на Телячью улицу, чтобы потребовать от Брагиной разъяснений. Именно поэтому Федосья Николаевна решила на время скрыться у двоюродной сестрицы. Как известно, береженого и бог бережет! Она уже связала в узел вещи, которые могли понадобиться, и только-только сделала несколько шагов прочь от дома, как вдруг вспомнила, что кое-что позабыла. Ну вот и вернулась... чтобы попасться на глаза Данилову.

Выслушав все это и вызнав еще кое-какие подробности о визитерах (незначительные, впрочем, подробности, поскольку у Брагиной от страха поотшибло-таки память), Данилов ушел не простившись.

Федосья Николаевна перевела было дух, однако оказалось, что сделала она это преждевременно, потому что в следующую минуту в дом снова заглянул узкоглазый слуга Данилова и сурово проговорил:

— Аси, ча!¹ Скажешь кому-то про Федор, тебе мэкчэрэ будет, ой-ой, больно!

Поскольку узкоглазый изобразил, будто откусывает свой язык, приказ молчать Брагина поняла быстро. Но еще быстрее она постигла смысл слова «мэкчэрэ», поскольку, произнеся его, узкоглазый

---

¹ Аси, ча! — Баба, молчи! (эвенк.)

вынул руку из-под полы своего зипунишка, и, как следовало ожидать, в ней оказался небольшой, но увесистый топорик.

У госпожи Брагиной подкосились ноги. Она плюхнулась на пол и надолго онемела. Дар речи и владение членами вернулись к ней не скоро — к тому времени зловещий тунгус не только покинул ее жилище, но и успел дойти до «Купеческой», по-прежнему следуя за Даниловым, который шел неспешно, поскольку был погружен в размышления.

* * *

— Ну и что ты об этом думаешь? — спросил наконец Федор Иванович, косясь на Ульяна.

— Я думаю, что шкуру белки надо очень тщательно очищать от мездры.

Федор Иванович не удержался от смеха. Ульян частенько выражался столь замудренно, что приходилось крепко призадуматься, чтобы догадаться о смысле его слов. Ох как ошибался тот, кто считал Ульяна тугодумом бессловесным! Этот тунгус был как раз из тех, на кого надеялся Пушкин, когда писал:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык:
И гордый внук славян, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

Русский язык Ульян усвоил очень быстро — отчасти благодаря тому, что и до встречи с Хворостининым и Даниловым он частенько общался с русскими промысловиками и золотоискателями. Но грамоте и арифметике его научил именно Данилов, и скоро тунгус уже мог назвать точное число дней,

которое предстояло пройти: например, говорил точно — илалла, то есть три дня, вместо неопределенного илаллакса — дескать, будем идти завтра, потом еще день и еще потом...

Впрочем, и Данилов многому научился за время дружбы с Ульяном. Понял, что, во-первых, тунгус воспринимает мир совершенно иначе, чем русский человек, а во-вторых, будучи внуком и правнуком шаманов, он посвящен в некие тайны и многое видит, как говорится, насквозь. Не зря его настоящее имя было Улген: тот, кто держит в руках обрядовые нити. Те самые нити, которыми шаманы во время обрядов связывали бубен, другие таинственные предметы — и людей, которые должны были помогать вызывать духов.

Но что же Ульян имел в виду сейчас?

— Думаешь, эта аси мне соврала?

— Нет, просто из лоскута торчит сломанная игла, — проворчал тунгус, провел ладонью перед собой и болезненно сморщился, словно наткнулся на что-то острое.

Данилов задумчиво кивнул. Он не сомневался, что Брагина сказала правду о приходе странной пары. Но откуда ей было знать, какие замыслы ими двигали? А между тем в этих замыслах и крылась сломанная игла, которую сразу не разглядишь, но о которую можно сильно пораниться. Впрочем, Федор Иванович эту иглу заметил сразу и не сомневался: афера с публичным домом была затеяна для того, чтобы расстроить свадьбу Никиты Широкова и Аси Хворостининой. Сам Данилов отнюдь не вел жизнь анахорета: случалось, и в дома веселые хаживал, а значит, был наслышан, насколько ловко всевозможные «сюзанны» заманивают простодушных девушек в свои логова. Потом их опаивают мако-

вым отваром, так что первые встречи с клиентами для бедняжек проходят как бы в полусне: девушки почти ничего не соображают и не в силах противиться насилию. Потом они осознают, что опозорены... некоторые не могут этого пережить и кончают с собой, прочие постепенно свыкаются с новым ремеслом. Поскольку Данилов в отличие от многих мужчин не испытывал никаких пристрастий к невинным девицам, он знал, что греха душегубства какой-нибудь такой глупенькой жертвы «сюзанн» на нем нет. Однако, насколько Федор Иванович успел узнать Асю Хворостинину, она, конечно, немедленно сунула бы голову в петлю, оставив Никиту овдовевшим, так сказать, женихом.

Кому это принесло бы выгоду?

Почти наверняка — Лике Болотниковой.

У Федора Ивановича были немалые основания так думать!

Данилов многое слышал от Василия Хворостинина о прошлом и знал, что его лучшими друзьями были Гаврила Широков и Илья Болотников. Они вместе прошли войну с французами, вместе побывали в Париже, потом вышли в отставку и занялись хозяйством в своих имениях. Хворостинин и Болотников жили не больно-то достаточно, а вот Широков получил изрядное наследство с сотней крепостных душ. Хозяйство было поставлено образцово, и Гавриле Семеновичу предстояло приумножать доставшиеся ему богатства.

Почти одновременно три приятеля сыграли свадьбы. В подтверждение поговорки о том, что денежки льнут к деньгам, Широков взял за себя девицу из богатого дома; невест же Хворостинина и Болотникова, сестер Лукашиных, можно было без

преувеличения (или преуменьшения?) назвать бесприданницами. Хворостинин женился на младшей, Сонечке, по горячей взаимной любви; об этой же сестрице мечтал Илья Болотников, однако ему пришлось удовольствоваться старшей, Зинаидой, да и то злые языки болтали, что был он к тому принужден хитрой девицей: мол, дочь Болотникова, Гликерия, родилась слишком уж скоро после свадьбы, хотя недоношенной отнюдь не выглядела.

Еще прежде у Широкова с разницей в два года родились сыновья Константин и Никита; кроме того, в доме рос осиротевший во младенчестве его племянник — Юрий Хохлов.

Костя всегда был весельчак и большой проказник; Никита временами впадал в угрюмость и озлобление; Юраша подражал то одному, то другому, а вообще-то он яростно завидовал обоим братьям.

Дружба отцов продолжалась, а потому Константин был сговорен с Гликерией, ровесницей Никиты, ну а тот — с дочерью Хворостинина Анастасией, бывшей младше Никиты на три года.

Константина в свое время определили в Первый кадетский корпус, чем Гаврила Широков оставался не слишком-то доволен.

Хворостинин рассказал Федору Ивановичу, который был, конечно, несведущ в таких тонкостях, что в то время самым привилегированным из военных учебных заведений, куда попадали лишь представители знатных фамилий и генеральские отпрыски, считался Пажеский корпус.

Исключительно из элиты рекрутировались также воспитанники Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Для поступления в эти школы требовалось свидетельство о включении предков в Шестую часть родословной книги древ-

него российского дворянства¹ или генеральский чин отца. Гаврила Широков не был генералом и не принадлежал к родовитейшему дворянству. Стало быть, путь в оба учебных заведения Косте Широкову был закрыт.

С другой стороны, Широкову неместно было отдавать своего сына и во Второй кадетский корпус, который являлся учреждением благотворительным.

«Золотую середину» между этими двумя образовательными полюсами занимал Первый кадетский корпус, куда зачислили Константина, а потом и Никиту.

Спустя несколько лет Костя и Никита приехали на вакации домой. Юноши отправились на лодке рыбачить на реку Широкопольку; с ними были и Ася Хворостинина, и Лушенька Болотникова. На манер народный Гликерию чаще называли Лукерьей, Лушей. Родители звали Ликой. Мальчишки прозвали ее Лужей Болотной, а также Горем Луковым: уж больно она уродилась слезлива и при этом злоехидна.

Итак, молодежь отправилась рыбачить. Широкополька была не слишком широка, вопреки названию, но весьма глубока, бурлива и порой коварна. Налетел ветер, легонькая лодчонка перевернулась. Луша плавала как рыба и тут же ринулась к берегу. Ася же начала тонуть; Константин успел выловить ее из воды и помог забраться на перевернутую лодку; потом поддерживал на поверхности брата, но тут у него свело судорогой ногу. Хворостинин с Широ-

---

¹ В Шестую книгу Российского дворянства записывались древние дворянские роды, чье происхождение начиналось ранее 1685 г.

ковым, прибежавшие на крики Лушеньки, опоздали: Костя канул в воду и больше не вынырнул. Никиту вытащили полумертвым и едва откачали.

Варвара Михайловна, мать братьев, с тех пор обезножела; Никита остался при ней, забросив учебу, потому что от одной только мысли о разлуке с последним сыном матушка начинала помирать; а Широков-старший со временем то ли повредился в уме, то ли демон какой-то его обуял, однако он люто возненавидел Хворостинина и его семью. И Ася была виновна в том, что Костя погиб, спасая ее (то, что он также брата своего спасал, в счет у Широкова не шло), и сам Хворостинин нерасторопен оказался, когда нырял, пытаясь Костю вытащить... Словом, о прежней дружбе оставалось лишь с печалью вспоминать, и первым следствием разрыва стало то, что Широков больше слышать не хотел о союзе Никиты и Аси. Он устроил столь оскорбительную сцену Хворостинину, что тот, воротясь домой, надолго слег в постель больным, однако старинного друга жалел и пытался понять да простить.

Болотников во всем поддерживал Широкова, ну тот и решил, что теперь самой подходящей невестой для Никиты станет Лушенька. Болотников, конечно, обрадовался и решил повеселить непрестанно горящего друга. Зачастили они в Нижград — в игорные дома...

Тем временем Хворостинин повстречался с прежним своим знакомцем по Заграничному походу, сослуживцем по Семеновскому полку, Федором Шаховским. Тот жил теперь в Ардатовском уезде Нижградской губернии, в имении жены, иногда наезжая в город. Василий Петрович как-то раз навещил его. В то время между военными ходили слухи о тайных сообществах бунтовщиков. Шаховской

признал, что входил в Союз благоденствия, помышляющий о цареубийстве, присутствовал даже на совещании, где принималось такое решение... Хворостинин был потрясен, накричал на Шаховского, назвал его изменником и немедленно прервал с ним все отношения.

А надо сказать, что Болотников по-прежнему приятельствовал с Хворостининым — в основном благодаря тому, что их жены, родные сестры, часто приглашали друг друга в гости, с мужьями, разумеется. И вот во время одного такого гостеванья Хворостинин под секретом рассказал Болотникову о том, что узнал от Шаховского. Болотников вскоре проболтался об этом Широкову. Ну а Гаврила Семенович, который только и искал средства для утоления своей мести (выдуманной мести, мести невесть за что!), написал на Хворостинина донос...

Вскоре Шаховской был схвачен, приговорен к каторге и отправился по этапу в Туруханск. Василия Петровича без особого разбора схватили тоже, осудили и сослали в Енисейск.

Жена Хворостинина пыталась отправиться к мужу, однако ей не позволили; тогда она приехала в Санкт-Петербург, бросилась в ноги государю во время одной из его пеших прогулок и передала письмо, в котором уверяла, что муж был арестован по навету.

Николай Павлович велел привлечь к ответу Широкова. Тот не посмел солгать государю и повинился: да, он расчетливо погубил бывшего друга, хотя знал, что Хворостинин с бунтовщиками дружбы не водит... правда, не преминул сообщить, что сведения эти получил от Ильи Болотникова. Однако того уже не было в живых (повозка на крутом повороте опрокинулась невзначай, а может, судьба наградила тем,